

Ольга Дашкова

Грешница

RUGRAM

УДК 82-311.2(02.055.2)
ББК 84(2Рос-Рус)
Д21

Дашкова О.

Д21 Грешница / О. Дашкова. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 274 с.

ISBN 978-5-521-90719-9

Он — чертовски хорош собой и молод, у него перспективы и прекрасное будущее. Она — слишком независима и свободна, любимая работа, редкие романы. Между ними невероятный секс, притяжение, страсть. Он стал для неё грехом, сладким, безумным грехом. А она всегда останется для него грешницей, которая предала.

BIC FP
BISAC FIC005000

ISBN 978-5-521-90719-9

© Дашкова О., текст, 2023
© Леола К., обложка, 2023
© RUGRAM, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

ПРОЛОГ

Она узнала его сразу, словно почувствовала. Заметила лишь краем глаза силуэт, но сердце уже дрогнуло, а потом припустило в бешеном ритме. Так теперь было часто, почти каждую ночь Кира просыпалась от частого сердцебиения. Долго лежала, успокаивая себя, но все равно приходилось пить капли, чтобы унять это волнение и разбушевавшееся сердце.

Вот и сейчас любимый капучино с любимым пирожным в отличном кафе встали ровно поперек горла. Она с трудом сделала глоток, обжигая язык, отодвинула тарелку, боясь повернуться. Может быть, он и не заметит ее, и она уйдет спокойно.

Посмотрела в окно, снаружи под проливным весенним дождем по центральному проспекту спешили люди. Раскрытые зонты мелькали разноцветными пятнами, свет фонарей отражался от проезжающих машин, неоновые вывески мигали в разлитых лужах.

Киру сюда загнал именно дождь. С недавних пор она его не любила, еще больше не могла находиться в машине, когда капли барабанили по крыше, и от влаги запотевали окна.

Еле-еле на парковке нашла свободное место, добежала до крыльца кафе, но все равно промокла почти вся. Не сразу, но нашла свободный столик, небольшой, у самого окна.

Но люди за окном сейчас не отвлекали, даже размышление о новом проекте не приносило радости и азарта, как это

у нее часто бывало. Кира спиной чувствовала его присутствие, отложила блокнот с карандашом, замечая, что сжимает его в руке так, что уже слышен хруст.

Он не один, с ним девушка. Ревность проскребла по бьющемуся в бешеном ритме сердцу. Прикрыла глаза, медленно досчитала до двадцати. Надо уходить. Она не сможет смотреть ему в глаза.

Не хочет.

Не готова.

Не сейчас.

Никогда не будет готова.

Медленно стянула резинку, распутала тугой пучок волос, чтобы прикрыть ими лицо. Встала, бросила блокнот в сумку, на стол — денежную купюру. Начала медленно пробираться между близко стоящих столиков. Увлеченная своей конспирацией, не заметила официанта, тот резко развернулся, Кира наткнулась на поднос, который полетел прямо на нее.

Жуткий грохот на весь зал, кажется, даже музыка притихла, что до этого чуть слышно лилась из динамиков. На нее посмотрели все. Сжимает губы, смотрит на залитую вишневым соком белую футболку и стекающие по голым ногам красные потеки.

— Ой, девушка, извините ради бога. — Официант оправдывается, протягивая ей салфетку.

— Ничего, сама виновата, — чуть слышно, все так же наклонив голову, закрываясь волосами.

Господи, как стремно все это, она взрослая женщина, ей тридцать три года. Она прячется, маскируется, хочет сбежать, только бы не видеть того молодого мужчину и не

встречаться с его пронзительным взглядом и такими до боли любимыми голубыми глазами.

Снова тяжело выдыхает, поднимает голову, убирая волосы. Открыто смотрит на парнишку-официанта. Обводит взглядом зал.

— Все хорошо. Спасибо, — принимает салфетку.

Снова чувствует жар плечом, он сидит именно там, справа, с молоденькой курносой блондинкой. Заставляет себя повернуться в ту сторону, чтобы показать, чтобы доказать самой себе, что она излечилась, что она когда-нибудь излечится.

Он стал старше. Светлая приталенная рубашка, волосы подстрижены короче, чем были, нет той лихой челки, которая постоянно падала на глаза, а Кира так любила зачесывать ее назад, оттягивая волосы до легкой боли, целуя при этом в губы.

В горле сразу пересохло. По спине потянулись противные капли холодного пота от надменного взгляда голубых глаз. Кира кивнула, быстро отвела глаза и свернула в сторону уборной. Ей не понравился, ой как не понравился этот его взгляд. Ну хотя, что она ожидала? За что боролась, на то и напоролась. Она думала, что все сделала правильно, но от этого стало только хуже.

Руки тряслись, умылась холодной водой, посмотрела на себя в зеркало. Лицо осунулось, какая-то рабочая футболка, короткая джинсовая юбка. Вид бедной, несчастной, замученной бабы. Ее привычная одежда для работ у заказчика. В сравнении с этим молодым мужчиной она выглядела так, словно три дня не ночевала дома.

Снова поймала себя на мысли, что не может даже про себя произнести его имя. Словно оно причинит еще большую боль, чем есть. Громко хлопает за спиной дверь. Кира резко поднимает голову, встречаясь именно с теми голубыми глазами, которые совсем недавно прожигали ее насквозь.

Мужчина медленно подходит ближе, опирается руками по обе стороны от нее, зажимая Киру между своим сильным телом и раковиной.

— Ты все так и продолжаешь бегать от меня?

Голос низкий, хрипловатый. Двигается ближе, Кира чувствует жар его тела, запах — цитрусы и свежесть, от него кружит голову. Дыхание щекочет шею, а одна рука уже скользит по обнаженному бедру.

— Не надо.

— Что не надо?

— Не надо, Ян. — Имя скребет горло.

— Почему всегда решаешь ты, что надо, что не надо?

Кира цепляется до белых костяшек за раковину. Кожа горит под пальцами мужчины, которые уже забрались под короткую юбку. Господи, как она сучала по ним. Словно долбаная наркоманка.

— Ян, перестань.

— Раньше ты не останавливала меня, а просила еще. Или кто-то другой делал это лучше меня?

Внимательно смотрит через зеркало в его лицо. Совсем другой, словно чужой, не ее сумасшедший мальчик.

Совсем не ее.

Стал старше, плечи шире, руки грубее и настойчивее. Хотя прошел всего один год, длинный, безумно одинокий, полный слез и терзаний год.

Он задирает юбку выше, отодвигает тонкую полоску трусиков. Кира, словно парализованная, не может даже сдвинуться с места, только шепчет:

— Ян, пожалуйста. Не надо.

— Ты права, могут зайти.

Резко хватает за плечи и заталкивает в первую попавшуюся кабинку. Тут же ее юбка задирается до талии, настоячивые пальцы отодвигают в сторону белье.

— Почему ты такая мокрая?

— Ян... — Дыхание сбивается, из груди вырывается то ли стон, то ли всхлип, когда пальцы мужчины проходятся по половым губам, собирая влагу ее возбуждения.

Звук расстегивающегося ремня, шелест одежды. Резкий толчок, он заполняет ее сразу, до конца. Левой рукой задирая футболку и до боли сжимая грудь, оттягивает чашечку бюстгалтера, зажимает между пальцами затвердевший сосок.

— Черт, — хрипит, резко вбиваясь.

Моментальная волна удовольствия проносится по телу. Словно цунами, разрушая все на своем пути.

Толчок. Еще. Резко. До боли. До сладкого удовольствия, растекающегося по телу. Оргазм накрывает неожиданно, разрываясь огненным шаром в груди на мелкие частицы, разрывая на эти же частицы ее сознание. Кричит, закрывая рот ладонью, прикусывая ее.

Мужчина кончает следом, дергаясь внутри, теплая сперма стекает по его члену и бедрам. Он крепко за шею прижимает Киру к себе, часто дышит, до боли и хруста сжимая плечи.

— Думал, забуду. Не получилось.

Выходит из нее так же резко, разжимая руки, Кира чуть не падает, хватается за стены. Позади нее хлопает дверь, льется вода.

— Ой, мужчина, а это женский туалет.

— Да? Я, видимо, перепутал. Уже ухожу.

— Ой, ну что вы. Вы ничуть не мешаете.

Женский смех, вода больше не льется. А Кира больше ничего не слышит.

Не видит.

Не чувствует.

Разворачивается, оседает на унитаз, зажимая рот рукой, глотая слезы и накатившую истерику. Он даже не произнес ее имя. Ни разу. Воспользовался, как вещью, наказывая и унижая.

Она знает, за что.

Она заслужила.

ГЛАВА 1

— И почему мне не восемнадцать лет?

— О чем ты?

— Смотрю на этого парнишку и вот прям жалею, что мне не восемнадцать лет.

— Света, тебе тридцать пять, и у тебя двое детей.

Светка поморщилась, посмотрела в глаза подруге:

— Вот умеешь ты испортить настроение.

— Обращайся.

— Нет, ну ты только посмотри на него. Я удивляюсь, как тут еще не висят гирлянды из оставленных девичьих трусиков и бюстгалтеров через весь автосервис. Да я бы и мужским не удивилась.

Светка развернула Киру в сторону сервиса, где сейчас ее машине, красному «мини-куперу», меняли пробитое в поле колесо. Жаркое майское солнце ослепляло, она прикрыла лицо рукой и увидела предмет Светкиных терзаний и вздохов последние пятнадцать минут.

Молодой человек в белой бейсболке козырьком назад, с голым торсом и в коротких шортах ловко орудовал домкратом, поднимая машину, а затем снимал поврежденное колесо. Кира склонила голову, пригляделась:

— Боже мой, ну до чего хорош, паршивец. До чего хорош.

Светка все не унималась, а парень и правда был хорош. Когда он встал с корточек, выпрямился и легко поднял тяжелое колесо, Кира удивилась. Мышцы заиграли, четкие

кубики пресса, косые мышцы живота, татуировка на левом боку и по всей правой руке до плеча, переходящая на шею. Что именно там было, Кира не могла разглядеть с такого расстояния.

Парень шел на них, щурился от солнца и, кажется, смотрел ей прямо в глаза. Как-то странно дернулось сердце, словно от испуга, и часто забилося. Так бывает, когда какой-нибудь гад подрезает ее на дороге, думая, что женщина за рулем — это не человек. Сердце в испуге отбивает неровный ритм, а ладошки потеют.

— Ох ты, боже мой, Светлана Васильевна, только спокойно, у тебя дети, двое детей. Интересно, что такой красавчик делает в этой дыре? — Светка успокаивала сама себя, параллельно задавая вопросы.

Парень уже прошел, при этом Кира точно видела, как он мазнул взглядом по ее голым ногам в коротких шортах, затем по ее серой майке, а потом подмигнул. Это было так неожиданно и откровенно, что девушка растерялась.

Она утром не надела бюстгальтер, потому что проспала, накинула на майку джинсовую курточку, на ноги натянула кроссовки. Скрутив волосы в высокий пучок, погнала через весь город в прекрасный загородный комплекс с живописным названием «Озерки» к заказчику.

И вот именно сейчас, на двадцатисемиградусной жаре, ее соски решили заостриться, показывая себя во всей красе работнику шиномонтажа. Кира скрестила руки, прикрывая грудь, хоть и поздно было уже это делать, он все уже наверняка увидел.

— Разве в таких, как ты выразилась, «дырах» не могут работать красавчики?